— Если ты планируешь ограбить меня, пожалуйста, предупреди за пять минут, — попросила Момо, пока Раду вёл её сквозь заросли деревьев. — Крысу в моем сердце легко напугать.

— Ох, мне бы не хотелось напугать чью-то сердечную крысу, — засмеялся ящер.

— Да, именно, — кивнула Момо и недовольно нахмурилась, поскольку в этот момент ей в лицо прилетела ветка.

«Ой… Почему все потайные ходы должны быть такими скрытыми?» — Момо уже начинала жалеть, что не решилась воспользоваться своей идеей «залететь на птице в город».

— И в последний раз говорю, — добавил Раду, — Я не собираюсь тебя грабить. В противном случае я мог бы просто сделать это в тот момент, когда мы встретились.

Момо фыркнула:

— Это… это неправда. Я бы раздавила тебя.

— Да, конечно. Точно так же, как облако раздавливает гору, когда проходит над ней.

Момо снова нахмурилась. Она начала уставать от этого человечка-ящерицы и его чрезмерно весёлых речей.

— Не волнуйся, мы прибыли.

Густой лес, наконец, поредел, и деревья расступились, открыв поляну. Момо удивлённо распахнула глаза. Она ожидала увидеть дверь, пещеру, или, хоть, какой-нибудь проход. Чего она никак не ожидала, так это деревянной скамейки, на которой сидел мужчина с вороньей головой и курил сигарету.

— Алекси, — поприветствовал Раду. — Момо, это Алекси. Он и есть наш билет на ту сторону.

«Я знала, что не стоило так сразу списывать идею с птицей», — мысленно проворчала Момо.

Скамейка стояла под особенно толстым деревом. Посмотрев на его крону, Момо увидела, что ветви дерева неестественным образом переплетались, создавая вокруг ствола закрытое пространство. В растительной стене располагалось самое обычное стеклянное окно, за которым виднелась маленькая кровать и небольшой столик.

После этого открытия в этом дереве явственно угадывался дом. Полностью изолированный в лесу, с нормальной кроватью и удобной скамейкой для рисования. Момо еще крепче прижала к

себе свой кошель с монетами. В этотм момент она твёрдо решила, что ей нужно стать богатой. Это было необходимо для того, чтобы она смогла купить это уютное гнёздышко у птицы, сидящей на скамейке.

— Приятно познакомиться с тобой, Алекси, — застенчиво пробормотала Момо после того, как потратила минуту, сокрушаясь о том, что не может переехать прямо сейчас. — У тебя очень милый домик на дереве.

Человек-ворон даже не взглянул на посетителей и не удостоил комплимент Момо ответом. Вместо этого он потянулся за газетой, лежащей на скамье рядом с ним. Не вынимая изо рта сигарету, он пролистал «Нерегулярную Газету Нам-Дала».

— Знаете ли вы, что брачный сезон в этом году перенесли на целых три месяца? — пожаловался он, указывая на статью на странице. — Главные Птицы постановили, что «птенцы не смогут выжить в нынешнем политическом климате». Эти куриные головы просто чокнутые. Какое дело птенцам до политики Нам-Дала?

— Это звучит ужасно, — сказал Раду, — Я знаю, ты с нетерпением ждал его.

— С нетерпением ждал? — возмущённо каркнул ворон. — Это единственное событие, отмеченное в моём календаре.

«Они зверолюди или людозвери?» — задумалась Момо, пристально глядя на разглагольствующую птицу. Если ноги — человеческие, а голова — птичья, то это птица с человеческими ногами или человек с птичьей головой?

— Может быть, вы могли бы спариваться вне сезона? — предположил Раду.

Момо в это время щурила глаза, пристально глядя на птицу. В её голове нарастало замешательство, и своими продолжительными измышлениями она практически заработала себе мигрень.

— Богохульство! — воскликнул Алекси, хлопнув Раду по руке газетой, — За кого ты меня принимаешь, за обычную уличную птицу? Я могу дождаться этих блаженных трёх месяцев, а потом встречаться с цыпочками, как я всегда это делаю: в красивом костюме, в «Гостинице на Третьей Улице Нам-Дала». Если уж на то пошло, дополнительное время позволит мне лучше отточить свои танцы.

Последняя фраза вывела Момо из ее мыслительного туннеля. Предварительно она решила остановится на том, что это людозвери, поскольку они ходили и разговаривали как люди.

— Твои танцы? — вмешалась она в разговор.

— Конечно. Поскольку я являюсь одним из самых чистокровных птиц, я должен следить за тем, чтобы мой Шимми был идеальным. Если я хоть немного собьюсь, вся гогочущая стая меня заклюёт.

— Ох, понятно, — кивнула Момо, подавляя смех.

— Люди не ценят того, через что мы проходим, — вздохнул он. — В любом случае, вам двоим повезло. Поскольку брачный сезон отложен, у меня появилось дополнительное время.

Он швырнул сигарету в грязь, а затем затоптал её когтистыми лапами.

«О, нет — когтистые лапы». Момо не учла их, когда проводила свои зверь/человек изыскания. Ей придется вернуться к первому шагу. Она недовольно нахмурилась.

— Ты всегда любезен, Алекси, — сказал Раду, передавая ворону несколько монет.

— Пожалуйста, — сказал ворон, отмахиваясь от монет, — Не донимай меня чаевыми. Я, как-никак, не ношу с собой монеты, а путешествую только с банкнотами.

— Банкноты? — Момо изумлённо нахмурила брови.

Алекси бросил на неё жалостливый взгляд:

— Ах ты, бедное создание. Ты имела дело только с монетами? Ты, должно быть, ужасно бедна. Так у меня еще больше причин совершить этот акт милосердия.

— Почему все всегда предполагают, что... — пробормотала Момо.

Ворон взмахнул крылом в её сторону, прервав жалобы. Он полностью расправил крылья и сложил руки вместе. Так он выглядел почти как небесный ангел, из тех, что изображают в церквях. Только у этого был клюв.

— Возьми меня за руку, — сказал Раду, протягивая её Момо. Та испуганно уставилась на руку.

— Нет, спасибо.

Ящер нахмурился:

— Тогда мне придётся оставить тебя на произвол судьбы на мосту.

Момо поморщилась. Ей просто снова придется нарушить свои собственные правила относительно личного пространства, как она надеялась, в последний раз. Ради Рассвета. Момо неуверенно схватила Раду за руку.

— Он собирается отнести нас туда? — спросила Момо, у которой от этой мысли задрожали ноги.

— Отнести? — захохотал Алекси, — Ты думаешь, я стал бы рисковать этими только что начищенными перьями ради такой заурядной работы, как полет? Пожалуйста, не оскорбляй меня.

Алекси закрыл глаза и начал свой напев. Через несколько секунд с кончиков его пальцев заструился голубой свет. Он указал своими когтистыми пальцами на Момо и Раду.

— [Телепортация III].

Момо не понравилась телепортация.

За последнее время она пережила немало внетелесных переживаний, например, плавание в Преисподней или превращение в древесный пень и обратно, но именно это событие резко примостилось на первое место в её личном рейтинге самых ужасных ощущений.

Телепортация ощущалась так, словно Момо засунули в крошечную коробочку, перевязали ленточкой, после чего футболист пнул её навесом через всё внепространственное поле. А потом и плюнул в неё, так, до кучи.

— Я так понимаю, это твоя первая телепортация?

Момо медленно убрала руки от глаз, отчего невыносимый свет залил её зрачки. Когда зрение прояснилось, она обнаружила, что в ужасе съёжилась на полу, а Раду стоит над ней, протягивая руку помощи. Момо отказалась от этого предложения и, слегка пошатываясь, поднялась самостоятельно. Для этого ей потребовалось воспользоваться помощью близлежащей стены.

Глаза Момо медленно приспособились к тусклому свету факелов, нос уловил запах виски и водки, а до ушей донесся звон чокающихся кружек с элем.

— Выпьем за ещё один год воровства у богатых и раздачи бармену!

Недалеко от Момо мужчина бросил на стойку мешочек с монетами и пододвинул его к

мужчине-рептилии в черных брюках. В обмен на этот пропитанный пивом мешок бармен выставил на стол наполненные кружки.

За стойкой находилось множество бочонков, наполненных всевозможным алкоголем, который только можно было себе представить. Причём многие из них имели весьма тревожащие названия вроде «Фатальная Шипучка» или «Коктейль Птичьих Хвостов».

— Добро пожаловать в Скользкого Певчугу, — усмехнулся Раду, делая небольшой реверанс. — Чего желаешь?

— Убраться отсюда, и как можно скорее, — пробормотала Момо.

За это она была вознаграждена успокаивающим похлопыванием по спине

— Ой, да ладно тебе. Лучший способ избавиться от посттелепортационного расстройства — выпить «Буравчика Преисподней».

Раду указал на плакат за стойкой бара. На нём был изображён пивной бокал, наполненный тёмной мерцающей субстанцией. Слоган гласил:

Задолбали выплаты по кредиту? Просто умри!*

Буравчик Преисподней — лучше подавать живым!

*Выплаты всё ещё могут быть собраны кредитными акулами преисподней.

— Я… в порядке, — ответила она, — К тому же, разве сейчас не утро? Почему люди уже пьют?

— Слова настоящего убийцы веселья, — вставил пьяный мужчина, сидящий за соседним столиком. — Это Певчуга! Нектар не перестанет течь, пока люди короля не засунут свои палки нам в задницы!

— Ох, — пробормотала Момо и попыталась отползти, чтобы избежать убийственного перегара мужчины, — Спасибо вам за эту информацию.

— Без проблем, — сказал он, после чего взмахнул своей кружкой перед носом Момо и сделал из неё огромный глоток, — Лордас! Время четвертого раунда!

Бармен вздохнул, наполняя еще один бокал.

— Есть причина, по которой птица телепортировала нас в это… прекрасное заведение? —

спросила Момо, зажимая нос. Она чувствовала, что пьянеет, просто вдыхая ароматы этого места.

— Певчуга является неофициальной штаб-квартирой Гильдии Аферистов, — сообщил ей Раду, указывая на доску у стены Это была доска заданий, точно такая же, как в Рассвете, но спрятанная в тёмном, непримечательном углу комнаты.

Момо нахмурила брови.

— Почему у вас, ребята, нет настоящей штаб-квартиры?

— [Рыцари Солнца], — выплюнул Раду, — Очевидно, «преступление» в наши дни плохое слово. Сначала это были некросы, а теперь дурная молва пошла о нас, мелких преступниках. Аферисты давно занимают почетное место в обществе Нам-Дала. В конце концов, крупнейшая индустрия города — это таблетки для похудения.

— Это… чего?

— Я шучу, — ухмыльнулся он, — Даже мы не занимаемся преступной деятельностью такого уровня. Гильдия Нам-Дала занимается только базовыми вещами: инвестиционными и любовными аферами.

— Любовными аферами? — переспросила Момо, комично распахнув глаза.

— Конечно, — кивнул Раду, — Это же самая распространённая афера из существующих! И Тедди, сидящий здесь, лучший в этом деле. Ну ты только посмотри на это лицо. Разве можно в него не влюбиться? Я могу лишь посочувствовать тем, кого он решит обчистить. Мне потребовалось бы всего несколько минут, чтобы передать поместье моей семьи этой красивой лапочке.

Раду сопровождал свои хвалебные речи тем, что тряс пьяного мужчину за плечи. Момо удивлённо разинула рот. Ящер, несомненно, что-то напутал. У Тедди было лицо лягушки, ставшей жертвой нескольких избиений. У него были раздутые щеки, покрытые шрамами, его губы были воспалены, а язык вывалился изо рта, словно у собаки.

— Это Тедди? — уточнила Момо, побледнев. — Ты уверен?

— Конечно, уверен. Женщины высшего общества просто с ума сходят ради ночи с этим очаровашкой.

— Хех, — ухмыльнулся Тедди, и Момо в ужасе уставилась на то, как его лицо исказилось, приняв совершенно новую форму. Его скулы приподнялись, нос удлинился. Теперь он стал совершенно другим человеком. Красивым человеком.

— Потенциал полиморфизма впустую растрачивается всякими друидами и магами, — простонал Раду. — Наши хранилища были бы до краев заполнены монетами, если бы у нас было еще несколько таких, как Тедди.

У Момо от шока закружилась голова. У некоторых полиморфизм позволял обернуться в Топ-Модель Алоиса, а Момо застряла с превращением в пень? Должно быть, это была самая жестокая судьба, которая ей когда-либо выпадала.

Она даже представить себе не могла, насколько другим был бы мир, если бы она смогла перевоплотиться в молодую средневековую Анджелину Джоли. Её больше не могли бы замучить словами «крошечная», «сонная», «растерянная», «бедная», «брошенка».

А ещё лучше было бы, если бы она могла превратиться в самую заурядно выглядящую женщину в мире. В совершенно непримечательную абсолютную посредственность. А потому незаметную. О ней бы не сплетничали. У неё бы не было ни одной особенности, ради которой стоило бы нарушать её сон.

Момо счастливо вздохнула от этой фантазии, а затем требовательно посмотрела на Тедди.

— Как ты научился это делать? — начала она свой допрос, а её глаза были полны ревнивой ярости.

— Делать что? — спросил он с детским смехом, и его лицо снова вернулось к лягушачьему состоянию.

— Это, — сказала она, указывая на его лицо, — Вот это вот.

— А, это просто небольшой классовый навык, вот и все, — пожал плечами Тедди и протянул свою кружку бармену, чтобы тот снова наполнил ее. — Я [Тёмный Клирик]. Я могу исцелять тело, и я также могу заставить его исцеляться более специфичным образом. Конечно, моя настоящая кожа страдает всякий раз, когда я так делаю, но я к этому привык.

Заинтересованность Момо резко поубавилась.

— Хочешь, я покажу тебе, как это делается? — предложил он.

— Вообще-то, меня вполне устраивает моя обычная человеческая кожа, — разочаровано сказала она.

— Твоя потеря, — закатил глаза мужчина и опрокинул в себя ещё одну кружку.

В момент когда он допил свой очередной бокал, двери бара слетели с петель и с грохотом

приземлившись по обе стороны от входа. Внутрь помещения хлынул солнечный свет, и несколько рыцарей ворвались в маленькую таверну.

— Ох, ну вот опять, просто превосходно, — простонал Раду.

Половицы затрещали от напряжения, когда в помещение неторопливо вошла женщина. Её сапоги на каблуках оставляли вмятины в деревянных досках. Она вошла последней, и младшие рыцари выстроились вокруг неё. Она была маленькой, ростом может быть, даже ниже Момо, и все же от неё исходило ощущение власти и диктатуры.

Момо удивлённо разинула рот. Она не знала, кем была эта миниатюрная женщина-рыцарь, но сразу же прониклась к ней благоговейным страхом. Крошечная, но внушающая ужас. Она была именно такой, какой Момо стремилась быть.

— Преступники, аферисты и некроманты, — с поклоном сказала она, обращаясь к присутствующим, — Я надеюсь, у вас было приятное утро. Мы здесь, конечно же, чтобы отправить вас в тюрьму.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

http://tl.rulate.ru/book/83860/4065303